

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА	9
НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРЕ	12
ПРЕДИСЛОВИЕ	15

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Соблазн массовых движений

ГЛАВА I

Жажда перемен	21
---------------------	----

ГЛАВА II

Стремление к перевоплощению	30
-----------------------------------	----

ГЛАВА III

Сменяемость массовых движений	35
-------------------------------------	----

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Потенциальный человек убежденный

ГЛАВА IV

Роль отщепенцев в делах человеческих	43
--	----

ГЛАВА V

Бедняки	46
<i>Новые бедняки</i>	46
<i>Отверженные</i>	48
<i>Свободные бедняки</i>	51
<i>Творческие бедняки</i>	54
<i>Объединенные бедняки</i>	54

ГЛАВА VI

Не на месте	67
-------------------	----

ГЛАВА VII

Крайние эгоисты	70
-----------------------	----

ГЛАВА VIII

Честолюбцы перед неограниченными возможностями	71
--	----

ГЛАВА IX

Меньшинства	72
-------------------	----

ГЛАВА X

Скучающие	74
-----------------	----

ГЛАВА XI

Грешники	76
----------------	----

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Объединенная акция и самопожертвование

ГЛАВА XII

Вступление	81
------------------	----

ГЛАВА XIII

Факторы, способствующие самопожертвованию	85
---	----

<i>Отождествление с коллективным целым</i>	85
--	----

<i>Притворство</i>	89
--------------------------	----

<i>Недооценка существующего</i>	92
---------------------------------------	----

<i>«Вещи, которых нет»</i>	100
----------------------------------	-----

<i>Доктрина</i>	102
-----------------------	-----

<i>Фанатизм</i>	107
-----------------------	-----

<i>Массовые движения и армии</i>	111
--	-----

ГЛАВА XIV

Объединяющие элементы	115
-----------------------------	-----

<i>Ненависть</i>	115
------------------------	-----

<i>Подражание</i>	125
-------------------------	-----

<i>Убеждение и принуждение</i>	129
--------------------------------------	-----

<i>Руководство</i>	135
--------------------------	-----

<i>Действие</i>	143
-----------------------	-----

<i>Подозрительность</i>	147
-------------------------------	-----

<i>Результаты объединения</i>	150
-------------------------------------	-----

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Начало и конец

ГЛАВА XV

Люди слова 155

ГЛАВА XVI

Фанатики 168

ГЛАВА XVII

Практичные «люди действия» 173

ГЛАВА XVIII

Хорошие и плохие массовые движения 179

*Непривлекательность и бесплодность**активной фазы* 179*Некоторые факторы, определяющие продолжительность**активной фазы* 183*Полезные массовые движения* 189**ПРИМЕЧАНИЯ** 198

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Имя американского мыслителя Эрика Хоффера (1902–1983) все еще остается недостаточно известным нашему читателю. Его первая и, по-видимому, самая значительная из опубликованных им девяти книг — *The True Believer*, — представляет собой размышления о природе массовых движений.

Работа, ставшая в США классической, до сих пор не имеет должного резонанса на европейском континенте. Действительно, что, казалось бы, нового можно сказать в этой области после Г. Ле Бона, Г. Тарда, З. Фрейда, М. Вебера, Х. Ортеги-и-Гассета, К. Юнга, Э. Канетти и многих других, которые сделали предмет своего анализа природу массового сознания и массового поведения?

Одной из возможных причин этого недостаточного внимания является то, что в отличие от упомянутых имен, существенно повлиявших на устроения культуры XX столетия, Хоффер воспринимается как человек, находящийся вне сложившейся академической среды. Портовый грузчик, батрак, бродяга — он является ярким примером американского феномена *self-made man*. Внезапно ослепший в возрасте семи лет, он расценил столь же непостижимым образом возвращенное через восемь лет зрение как дар, которым в силу его негарантированности необходимо воспользоваться в максимальной мере. Опасаясь, что он может опять ослепнуть, Хоффер набросился на книги с жадностью, подстегиваемой реальной экзистенциальной угрозой потери зрения.

Привлекательность книги Хоффера — в оригинальности и самостоятельности его мышления. В то время как американская психология и социальная теория испытывали в середине прошлого века преобладающее воздействие идей Фрейда, Хоффер сумел обозначить направления своих исследований за пределами того, что может быть обозначено в качестве *mainstream*. Ключевой проблемой человеческого бытия, по его мнению, является наличие чувства собственного достоинства (*self-esteem*). В то же время человек сталкивается с постоянной опасностью утраты этого чувства, без всякого успеха компенсируемого его вовлеченностью в различные формы публичной жизни, и, как правило, приводящего к забвению смысла своего бытия.

Хоффер в меньшей мере, чем кто-либо другой, дает основание упрекать себя в наличии чувства враждебности к тому, что принято обозначать посредством понятия «народные массы». Для него «человек-масса», точно так же как и для Ортеги-и-Гассета, — всеобщий феномен, затрагивающий каждого из нас. Растворение в массе имеет в качестве своего результата снижение умственных способностей, независимо от уровня образования и культуры участвующих. В итоге мы имеем дело с поведением, предопределяемым воздействием элементарных импульсов и маловосприимчивым к доводам разума.

Ситуация лишь усугубляется в атмосфере процессов глобализации современного мира и таким воздействием средств массовой информации на индивидуальное сознание, которое многократно умножает возможности трансляции заданных образов и картин действительности. Конформность, обезличенность, анонимность форм мышления, носителем которых мы неизбежным образом являемся, преимущественно не отдавая себе в этом отчета, решающим образом подвергает сомнению доминирующую парадигму восприятия человеческого существа как *animal rationale*. В свою очередь представление о незавершенности,

открытости, субстанциальной непредопределенности человеческого бытия, столь характерное для прозрений XX века, с необычайной остротой ставит перед современным обществом задачу обнаружения путей и способов наделения человека тем, что до сих пор слишком часто воспринималось естественно принадлежащим ему по определению.

«Большая часть жизни — это одно непрекращающееся усилие, направленное на то, чтобы уйти от необходимости думать», — говорит герой одного из рассказов О. Хаксли. Следует лишний раз напоминать о том, что нынешнее «омассовление» планеты может способствовать усугублению этой и без того крайне серьезной опасности?

Нет никакого сомнения в том, что мы имеем дело далеко не только с теоретической проблемой. XX век предоставил более чем богатую пищу для осмысления всего того, сколь опасными, а порой и трагическими, могут быть последствия массовых движений. Способность извлечь должные уроки из прошлого опыта в существенной мере зависит от нашей готовности услышать предостережения, которые содержатся в книге Эрика Хоффера.

Единственно от чего следовало бы удержаться нам, читателям, — так это от соблазна отнести содержание всего, что содержится в книге, на счет других. Нужно найти в себе мужество, всматриваясь в изображение, обнаружить самих себя, поскольку у нас есть все основания сказать, перефразируя слова Рокуэлла Кента: «Это мы, Господи!»

Л.Л. Михайлов

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРЕ

Эрику Хофферу сейчас [в 1962 году] шестьдесят лет; последние 20 лет — с 1943 года — он работает портовым грузчиком на Калифорнийском побережье США, главным образом в Сан-Франциско. До того он работал сезонным батраком, рабочим на золотых приисках в штате Невада, бродяжничал.

Эрик Хоффер — самоучка, «свободный философ». Он выпустил две книги, одна из которых — «Истинноверующий».

Вот что рассказывает о своей юности сам Э. Хоффер: «В школу я никогда не ходил. До 15 лет был почти слепым. Когда зрение вернулось ко мне, меня охватил неутолимый голод к печатному слову. Я читал все без разбору — все, что попадалось на английском и немецком языках... После смерти отца (он был столяром) я понял, что мне придется заботиться о себе самому. Я уже определенно знал несколько вещей: во-первых, что не хочу работать на фабрике; во-вторых, что не вынесу зависимости от благосклонности какого-нибудь начальства; в-третьих, что всегда буду бедным; в-четвертых, что мне надо уехать из Нью-Йорка. Логика подсказала, что для бедного самый лучший край — Калифорния».

Во времена депрессии в течение десяти лет молодой Э. Хоффер батрачил по Калифорнии в горячую пору сельскохозяйственных работ; батрачил вместе с другими «новыми пионерами» того тяжелого времени, которых называли «арки» и «оки», — это были разорившиеся от засухи

фермеры штатов Арканзас и Оклахома, тысячами устремлявшиеся — вместе с семьями, целыми караванами — в Калифорнию (русскому читателю эта эпопея известна по роману «Гроздь гнева»).

Из опыта жизни вместе с «арками» и «оками» у Э. Хоффера и возник интерес к массовым движениям. В годы размышлений и работы над книгой Э. Хоффер много бродяжничал: где бы он ни был, всюду — в десятках городков — записывался в библиотеки, где брал книги для чтения; когда случались деньги, снимал комнату рядом с библиотекой, чтобы быть ближе к книгам, справочникам, чтобы ничто не мешало сосредоточенно размышлять и писать.

(Из предисловия к изданию 1962 года)

Человеку хочется быть великим, а он видит, как мал он; ему хочется быть счастливым, а видит, как он несчастлив; ему хочется быть совершенством, а сам он полон недостатков; ему хочется быть любимым и уважаемым всеми, а он своими недостатками вызывает к себе презрение и отвращение. Эта двойственность его положения порождает в нем страсти преступные и несправедливые по отношению к Другим: в нем нарождается жгучая ненависть к горькой для него правде.

Б. Паскаль. Мысли

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — о некоторых особенностях, свойственных всем массовым движениям: будь то религиозные движения, национальные или социальные революции. Книга эта не утверждает, что все массовые движения однородны, но у всех них есть некоторые характерные основные черты, придающие им «семейное сходство».

Все массовые движения порождают в своих последователях готовность жертвовать собой и действовать объединенными силами; все массовые движения, независимо от своих программ и доктрин, вызывают фанатизм, энтузиазм, горячие надежды, ненависть, нетерпимость; все они могут в определенных областях жизни вызвать могучий поток активности; все они требуют слепой веры и нерассуждающей верности.

Все массовые движения, как бы ни были различны их цели и доктрины, первых своих последователей находят среди людей определенного склада и привлекают к себе людей одинакового образа мысли.

Хотя различия между фанатичным христианином, фанатичным мусульманином и таким же националистом или между фанатиком-коммунистом и фанатиком-нацистом очевидны, однако в их фанатизме, несомненно, имеется и общее. То же самое можно сказать о силе, которая толкает их всех к экспансии и стремлению к мировому владычеству. Нет никакого сомнения, что в явлениях, связанных с фанатичной верой, стремлением к власти, к единению, самопожертвованию, имеется известная общность.

Каждое «священное дело» сильно отличается одно от другого — по содержанию и доктрине, но все факторы, которые делают их действенными, однородны.

Каждый, подобно Паскалю, находившему убедительные доказательства истинности христианства, может найти не менее убедительные доказательства истинности коммунизма, нацизма или национализма. За какое бы «священное дело» ни отдавали свои жизни люди, они, вероятно, в основном умирают за одно и то же.

В этой книге говорится главным образом о массовых движениях в фазе их подъема. Именно в этой фазе ведущую роль играет человек убежденный — фанатик «священного дела», готовый для этого дела пожертвовать и жизнью. Эта книга — попытка проследить происхождение человека убежденного и дать описание его сути. Для этого приходится прибегнуть к одной рабочей гипотезе. Будем исходить из факта, что в начале всех массовых движений среди их участников преобладают неудовлетворенные жизнью люди и что примыкают они к движению по своей воле, а затем предположим, что: 1) неудовлетворенность эта сама по себе порождает большинство характерных черт человека убежденного, без какого бы то ни было внешнего влияния (даже до его участия в движении), 2) действительно эффективный метод обращения в веру состоит в основном в том, чтобы развить и укрепить склонности и реакции, свойственные неудовлетворенному сознанию.

Для проверки правильности этих предположений пришлось изучить особенности самой неудовлетворенности, затем — как реагируют на них неудовлетворенные, потом — насколько их реакции совпадают с реакциями человека убежденного и, наконец, каким образом эти реакции способствуют зарождению и распространению массовых движений. Пришлось еще рассмотреть практику современных массовых движений, усовершенствовавших методы обращения в веру, чтобы выяснить: подтверждает ли эта

практика точку зрения, что массовое движение умышленно разжигает неудовлетворенность и что такое поощрение неудовлетворенности всегда служит интересам этого движения.

В наше время большинству из нас необходимо для самих себя составить некоторое понятие о мотивах и побуждениях человека убежденного. Наш век, с одной стороны, — безбожный, но, с другой стороны, — очень религиозный. Где бы ни жил человек убежденный, он везде наступает: обращает ли людей в свою веру или восстанавливает их против себя — он везде переделывает мир на свой манер. Хотим ли идти вместе с ним или против него, мы должны знать как можно лучше его природу и его возможности.

Необходимо сделать небольшое замечание: говоря о «семейном сходстве» массовых движений, слово «семья» мы употребляем в таксономическом смысле. Помидор и черный паслен относятся к одному семейству Solonaceae, и, хотя помидор съедобен, а черный паслен ядовит, оба они имеют много общих морфологических, анатомических и физиологических свойств, — даже неботаник заметит их семейное сходство. Предположение, что у массовых движений много общих черт, не означает, что все движения одинаково благотворны или, наоборот, вредны. В этой книге не высказывается окончательных суждений и не отдается предпочтений чему-либо; в ней только сделана попытка кое-что разъяснить; разъяснения же эти — все, по существу, только теории, мысли и доводы даже там, где они выражены, казалось бы, категорически. Для ясности приведу слова Монтеня: «Все, что я говорю, — это только рассуждения, а отнюдь не рецепт. Я не говорил бы так смело, если бы мне обязаны были верить».

Эрик Хоффер, 1951

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

·

Соблазн массовых движений

ГЛАВА I

Жажда перемен

1

Общеизвестно, что все, кто примыкает к нарастающему революционному движению, делают это из соблазна перспективы быстрых и больших перемен в условиях их жизни. Ясно, что революционное движение — это орудие перемен.

Не так очевидно, что и религиозные, и национальные движения тоже могут быть средствами перемен.

По-видимому, для большой и быстрой перемены необходим массовый энтузиазм или вообще некое массовое возбуждение, при этом неважно, отчего они происходят — в результате ли надежды на обогащение, или в результате самой активности массового движения.

В нашей стране со времен гражданской войны огромные изменения происходили в атмосфере, накаленной энтузиазмом, порожденным небывалыми возможностями для личного успеха. Там, где личный успех не может быть движущей силой, должны быть найдены новые источники энтузиазма, чтобы провести и закрепить такие важные перемены, как пробуждение и преобразование косного общества или коренные преобразования в характере и образе жизни общины. Религиозные, революционные и национальные движения порождают массовый энтузиазм.

Главной движущей силой перемен в прошлом были религиозные движения. Консерватизм религии — ее

ортодоксальность — это инертный коагулянт* некогда высокочувствительных соков. Религиозное движение в период своего подъема, когда все меняется и экспериментируется, широко открыто для новых взглядов и новых методов. Народившийся ислам был средством организации и модернизации. Христианство оказало сильное влияние на цивилизацию и развитие варварских племен Европы. Крестовые походы и Реформация встряхнули западный мир от средневекового застоя.

В новое и новейшее время массовое движение, осуществившее широкую и быструю перемену, всегда было революционным или национальным, или тем и другим вместе. Петр Великий не уступал большинству самых преуспевших революционных и национальных вождей в целенаправленности, во власти и беспощадности. Но в своей главной цели — превратить Россию в западное государство — он потерпел неудачу. Причина его неудачи была в том, что он не зажег души русских масс активным энтузиазмом. Он не считал это необходимым или не знал, как сделать свою цель «священным делом». Неудивительно, что революционеры-большевики, ликвидировав последнего царя Романова, сразу же почувствовали некое родство с Петром, хотя тот был и царем, и Романовым. Его цель стала их целью, и они надеются преуспеть там, где он потерпел поражение. Очень возможно, что в истории большевистская революция будет фигурировать не только как попытка создания коммунистической экономики, но и как попытка преобразования одной шестой части земного шара.

Тот факт, что и Французская революция, и русская революция обернулись национальными движениями, по видимому, указывает на то, что в новое и новейшее время национализм является самым обильным и надежным источником энтузиазма масс и что надо использовать

* Коагулянт — сгущающее вещество. — *Прим. пер.*

националистический угар до тех пор, пока не утвердятся начатые на революционном энтузиазме коренные перемены. Очень возможно, что трудности на пути правительства Рабочей партии Великобритании объясняются тем, что его попытка изменить экономику страны и образ жизни 49 миллионов человек была задумана в атмосфере, совершенно свободной от страстей, экзальтации и фантастических надежд. Культурных и добропорядочных вождей лейбористской партии от применения революционного энтузиазма удержал их отказ от уродливых методов, созданных большинством современных массовых движений. Но не исключена возможность, что события заставят и их прибегнуть к каким-нибудь легким формам шовинизма и в Великобритании будет иметь место «национализация социализма как естественное следствие социализации нации»¹.

Невероятная модернизация Японии, очень возможно, была бы немислима без возрождения духа японского национализма. Похоже на то, что и быстрая модернизация некоторых европейских стран (особенно Германии) до некоторой степени была облегчена подъемом и распространением националистических страстей. Возрождение Азии, судя по всем имеющимся данным, придет, скорее всего, через национальные движения. Появление подлинного национального движения позволило Кемалю Ататюрку модернизировать Турцию чуть ли не за один день. Египет, несмотря на многочисленные и тесные связи его владык с Западом (начиная с Ахмета Али), модернизируется медленно и вяло — в стране нет массовых движений. Чан Кайши мог бы и сейчас действовать как преобразователь Китая, знай он, как запустить массовое движение или хотя бы как сохранить в массах национальный подъем, вызванный японским вторжением. Но он этого не знал и был отброшен мастерами «религиофикации» — искусства превращать практические цели в «священное дело».

Нетрудно понять, почему Америка и Англия (или другая западная демократия) не могли сыграть непосредственной и руководящей роли в пробуждении азиатских стран от отсталости и косности: демократии или не склонны, или не способны зажечь дух возрождения в миллионах азиатов. Содействие западных демократий пробуждению Востока было побочным и, конечно, ненамеренным. Они разоггли на Востоке энтузиазм возмущения против Запада. Эта антизападная страсть теперь и пробуждает Восток от спячки столетий².

Хотя жажда перемен — нередко только внешний повод для массовых движений, однако стоит выяснить: не поможет ли исследование этой жажды осветить внутреннее действие массовых движений? Поэтому мы и должны исследовать природу жажды перемен.

2

Мы склонны считать, что те силы, которые оформляют наше существование, действуют на нас извне. Наши успехи и неудачи связаны в нашем сознании с тем, что происходит вокруг нас. Поэтому удовлетворенные люди считают этот мир отличным и хотят сохранить его таким, как он есть, в то время как неудовлетворенные требуют радикальных перемен. Склонность все объяснять внешними причинами остается даже тогда, когда совершенно ясно, что главное — в наших личных качествах: в наших способностях, в нашем характере, внешности и т. д. «Когда у человека что-нибудь не так, — говорит Торо, — и он не может выполнять своих функций, например, если у него болит живот... он тут же принимается за переделку... мира!»³

Вот почему неудачники сваливают свои неудачи на мир. Занятно, что и преуспевающие люди, как бы они ни гордились своей дальновидностью, силой духа, бережливостью и другими достоинствами, в сущности, тоже верят, что их успех — это результат случайного стечения обстоятельств.

Уверенность в себе — даже у самых счастливых — никогда не бывает абсолютной. Они никогда не уверены, что им известны все составные части их личного успеха. Внешний мир кажется им механизмом хотя и отрегулированным, но не очень надежно, и, пока он «тикает» в их пользу, трогать его они боятся. Таким образом, сопротивление переменам и жажда перемен берут свое начало в одинаковых взглядах на жизнь, при этом сопротивление переменам может быть таким же сильным, как и жажда перемен.

3

Недовольство само по себе не обязательно ведет к желанию перемен. Чтобы неудовлетворенность превратилась в отрицание, должны существовать и другие факторы. Один из них — ощущение собственной силы.

Люди, испытывающие страх перед окружающим миром, как бы плохо они ни жили, о переменам не думают. Если форма нашей жизни настолько неустойчива и ясно, что контролировать условия нашего существования мы не можем, — мы стремимся придерживаться привычного и понятного. Люди часто превращают свою жизнь в постоянную рутину и с ее помощью противостоят чувству неуверенности и ощущению опасности. Этим достигается иллюзия, что непредвиденное приручено. Рыбаки, кочевники, крестьяне, т. е. те, кто зависит от неподвластных им элементов, или творческий работник, зависящий от вдохновения, или дикарь, испытывающий благоговейный страх перед внешними силами, — все они боятся перемен. Они стоят перед миром, как перед всемогущим судьей. Обездоленные тоже стоят в благоговейном страхе перед окружающим миром, боясь перемен. Суровые испытания голода и холода делают жизнь тяжелой, но тем не менее консерватизм бедных так же глубок, как и консерватизм привилегированных. Консерватизм бедных — такой же фактор сохранения существующего общественного строя, как и консерватизм богатых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru